-15-
149

27-е Апрѣля въ Исторіи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
485486
Д 13 6/149

27-е апрѣля въ исторіи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады[1]).

Л.-Гв. конная артиллерія, ведя свою родословную отъ конной артиллеріи „Павловской команды", до 1796 г. существовала въ войскахъ Цесаревича Павла Петровича въ составѣ „Артиллерійской Его Императорскаго Высочества команды", а съ 1796 г. до 27 апрѣля 1805 г. числилась Конно-Артиллерійскою ротою въ составѣ Л.-Гв. Артиллерійскаго баталіона; съ этого же числа, благодаря Цесаревичу Константину Павловичу, рота офиціально была признана самостоятельною войсковою частью.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, родившійся 27 апрѣля 1779 г., впервые познакомился съ конною артиллеріею въ 1793 г., присутствуя на маневрахъ, производившихся войсками „Павловской команды". Отличаясь съ малыхъ лѣтъ „примѣтнымъ воинскимъ жаромъ", Великій Князь охотно изучалъ военныя науки, причемъ артиллеріею интересовался настолько, что даже пытался самъ познать ее по книгамъ. Практическое ознакомленіе съ военнымъ дѣломъ Великій Князь Константинъ Павловичъ началъ съ 1794 г., изучая, подъ руководствомъ бригадира Торсукова, солдатское „фронтовое образованіе" съ отданными въ его распоряженіе 15-ю гренадерами. Въ слѣдующемъ году у Великаго Князя была уже своя рота, а съ

---

[1]) Составлено по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи бригады, А. Т. Борисевичемъ.

1796 г. онъ былъ—шефомъ 3-го баталіона „Павловской команды“, и въ дѣйствительности былъ такимъ образцовымъ служакою, что требовательный и взыскательный Цесаревичъ Павелъ Петровичъ не могъ не отдавать ему должнаго, неоднократно указывая въ приказахъ, что Его Высочество заслужилъ „отмѣнную благодарность за стараніе и усердность къ службѣ и за то, что во всѣ части и подробности входитъ“ и что „примѣчено, что баталіонъ Е. И. В. Константина Павловича лучше всѣхъ“.

Умѣнье создать нравственную спайку баталіона, умѣнье „связать“ себя съ подчиненными, стремленіе „анкуражировать“ ихъ, неуклонное требованіе обо всемъ „прежде Мнѣ давать знать и докладывать“, постоянныя заботы во всѣхъ отношеніяхъ о своихъ подчиненныхъ, родственная близость къ нимъ и простота обращенія съ ними, почти полное исключеніе мѣръ строгости за упущенія по службѣ и введеніе системы „рекомендацій“ (замѣчаній), развитіе въ подчиненныхъ „амбиціи“ быть всегда первыми, широкое поощреніе ихъ шефскими наградами,—вотъ главнѣйшія качества, которыя проявилъ Великій Князь Константинъ Павловичъ съ перваго года своей дѣйствительной службы, давая во всемъ примѣръ баталіону, который былъ имъ доведенъ до блестящаго состоянія.

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, Великій Князь Константинъ Павловичъ поступилъ со своимъ баталіономъ въ составъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, въ которомъ былъ пожалованъ въ полковники. Продолжая служить столь же образцово, Его Высочество сталъ добиваться возможности получить боевое

крещеніе. 11 марта 1799 г. сбылось его завѣтное желаніе, — ему разрѣшено было отправиться волонтеромъ въ армію Суворова. Каково было направленіе службы Его Высочества въ полку, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующее событіе: при прощаніи Измайловцы плакали, разставаясь со своимъ полковникомъ.

Поступивъ подъ команду Суворова, Его Высочество, равняясь по чудо-богатырямъ, въ теченіе почти 7 мѣсяцевъ основательно прошелъ курсъ боевой практики „науки побѣждать“ и завершилъ боевое крещеніе легендарнымъ Альпійскимъ походомъ. Достойно заслуживъ пожалованія титуломъ Цесаревича и награжденія высшимъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, Цесаревичъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и похвальную Суворовскую аттестацію, въ которой „самовидецъ“ призналъ мужество и неустрашимую храбрость и „военныя достоинства“ Его Высочества. Нельзя не отмѣтить, что въ Итальянскомъ походѣ Цесаревичъ проявилъ себя не только достойнымъ ученикомъ Суворова, но и артиллеристомъ, который не одинъ разъ оказывалъ свое содѣйствіе артиллеріи (Бассиньяно, Нови).

По возвращеніи изъ похода, Цесаревичъ въ январѣ 1800 г. началъ службу въ Л.-Гв. Конномъ полку, шефомъ котораго былъ назначенъ черезъ 4 мѣсяца. Около этого же времени, Его Высочество задумалъ завести и собственную артиллерію, чтобы самостоятельно пройти артиллерійскую практику, для чего неоднократно на свой счетъ заказывалъ орудія, пріобрѣталъ порохъ и т. д. Испытывая различные калибры, Цесаревичъ проходилъ столь основательно практику, что, напримѣръ, въ 1801 г. съ 15 іюня по 19 августа

ему было отпущено, не считая различныхъ припасовъ,— 800 ядеръ, 419 картечей и 28 пудовъ пороха.

До 1802 г. съ Гвардейской Конной Артиллерійской ротой Цесаревичъ непосредственнаго дѣла не имѣлъ, а встрѣчался съ нею на разводахъ и на маневрахъ. Рота, имѣвшая всего 6-орудійный составъ, по различнымъ причинамъ не могла въ баталіонѣ ни получить законченной организаціи, ни совершенствоваться, такъ какъ фактически приходилось лишь поддерживать репутацію, заслуженную въ „Павловской командѣ". Знаменательно, что рота, при раздѣленіи баталіона по полкамъ, предназначалась съ 1798 г. для присоединенія къ Л.-Гв. Конному полку.

Цесаревичъ, начавъ съ 12 марта 1801 г. служить „Императору-брату, Императору-другу, Императору-товарищу и благодѣтелю", получилъ полную возможность широко развить свою дѣятельность, между прочимъ, и на пользу Конной Артиллеріи. Взаимныя отношенія Царственныхъ братьевъ были таковы, что Цесаревичъ безусловно имѣлъ право многія мѣропріятія, напримѣръ, касающіяся до роты, проводить въ жизнь, нерѣдко дѣлая распоряженія на основаніи словеснаго Высочайшаго повелѣнія или отдавая таковое отъ Высочайшаго Имени.

Въ 1802 г. Цесаревичъ, обративъ особенное вниманіе на ненормальное положеніе роты, сдѣлалъ первыя распоряженія о сближеніи ея съ Л.-Гв. Коннымъ полкомъ. Въ этомъ году ротѣ была дана форма обмундированія, сходная съ полкомъ, а затѣмъ, часть роты, состоя въ командѣ Его Высочества, отбывала впервые въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, лагерный сборъ „обще" съ полкомъ. Въ 1803 г., по распоряженію Цесаревича, рота вто-

рично была въ сборѣ съ Л.-Гв. Коннымъ полкомъ, причемъ однажды за лихое ученіе сумѣла заслужить первую „совершенную благодарность“ Его Высочества, при этомъ нижніе чины были награждены по-Царски (всѣмъ было пожаловано по 2 рубля, по фунту говядины и по чаркѣ вина, 7 чел.—по 10 руб., а канониру Заморину—50 руб.). Этотъ годъ и былъ важнѣйшимъ въ жизни роты, — Цесаревичъ рѣшилъ взять ее въ непосредственное Свое вѣдѣніе, признавая необходимымъ на дѣлѣ доказать, что конная артиллерія должна быть съ кавалеріей, такъ какъ только въ такомъ случаѣ создастся „навыкъ“, выразительно опредѣленный Цесаревичемъ: „артиллерія кавалеріи не дика, а сей послѣдней артиллерія“.

Доведя роту въ концѣ 1803 г. до 10-орудійнаго состава, Цесаревичъ сталъ постепенно обособлять ее отъ Гвардейскаго Артиллерійскаго баталіона. Въ началѣ 1804 г. „обученіе экзерциціи“ и ремонтная часть уже переходятъ въ вѣдѣніе Его Высочества. Съ апрѣля отъ роты наряжаются нижніе чины въ полковой караулъ Л.-Гв. Коннаго полка. Съ 15 іюня совершенно нарушается строевая связь роты съ баталіономъ, причемъ Цесаревичъ, со дня прибытія ея въ Стрѣльну, съ неутомимою энергіею изучаетъ и обучаетъ роту на ежедневныхъ взводныхъ и ротныхъ ученіяхъ, на практической стрѣльбѣ, на разводахъ. Одновременно съ этимъ, устанавливается слѣдующій порядокъ: 1) „весь обрядъ службы ежедневной отправляется по полковому учрежденію“; 2) всѣ приказы получаются изъ Л.-Гв. Коннаго полка, куда рота посылаетъ соотвѣтствующіе рапорты; 3) семидневные рапорты представляются въ

инспекторскую канцелярію Его Высочества; 4) нижніе чины и лошади пользуются въ полковыхъ лазаретахъ. Въ общемъ, связь роты съ полкомъ прочно закрѣплялась, а съ баталіономъ временно сохранялась лишь зависимость въ хозяйственномъ отношеніи. Служба на совѣсть и единодушное стараніе всей роты, во главѣ которой стоялъ легендарный командиръ, полковникъ Василій Григорьевичъ Костенецкій, заслужившій такое расположеніе Цесаревича Константина Павловича, что онъ называлъ его обыкновенно „Василіемъ Великимъ", въ короткое время дали изумительные результаты. Цесаревичъ, неизмѣнно награждая нижнихъ чиновъ, жалуетъ избраннымъ по 10—25 руб. за каждое ученье, а 20 іюля пожаловалъ Костенецкаго даже слѣдующимъ лестнымъ рескриптомъ:

„Господинъ полковникъ и кавалеръ Костенецкій.

Отдавая Вамъ заслуживаемую справедливость въ исправномъ во всѣхъ частяхъ состояніи ввѣренной Вамъ Гвардейской Конной Артиллерійской роты и въ доведеніи оной неусыпными трудами до настоящаго познанія службы, Я поставляю пріятнымъ долгомъ изъявить Вамъ, что таковымъ усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ Его Императорскаго Величества заслуживаете должное уваженіе начальства и особенно Мою истинную благодарность и признательность".

27 іюля Цесаревичъ представилъ роту на Высочайшій смотръ, и Императоръ Александръ I не только „объявилъ Его Высочеству Свою благодарность", но и вмѣстѣ съ Костенецкимъ особенно поблагодарилъ и Цесаревича „за совершенное приведеніе въ настоящій порядокъ Л.-Гв. Конной Артил-

лерійской роты». На маневрахъ рота представилась столь блестяще, что Костенецкій былъ награжденъ алмазнымъ перстнемъ и орденомъ Св. Анны 3-го класса.

Послѣ маневровъ въ С.-Петербургъ рота прибыла съ полкомъ, при которомъ и стала нести всѣ наряды,— Костенецкій сталъ дежурить по Л.-Гв. Конному полку, а прочіе офицеры несли остальные наряды, что и отмѣчалось ежедневно въ приказахъ по полку. Въ виду того, что особаго повелѣнія на коренное измѣненіе „обряда службы“ въ ротѣ не послѣдовало, а все введено было по „приказамъ“ Цесаревича, то невольно возникли недоразумѣнія между Костенецкимъ, считавшимъ себя подчиненнымъ Его Высочеству, и командиромъ баталіона, г.-м. Касперскимъ. Недоразумѣнія эти въ сентябрѣ 1804 г. дошли до такого крайняго предѣла, что г.-м. Касперскій рапортомъ донесъ Его Императорскому Величеству, что „не имѣетъ уже никакого посредства управлять оною ротою“.

При такихъ условіяхъ для артиллерійскаго начальства создалось крайне затруднительное положеніе, единственнымъ выходомъ изъ котораго было—узаконить полную самостоятельность роты. Лично Цесаревичъ Константинъ Павловичъ считалъ роту самостоятельною, что видно, напримѣръ, по слѣдующему факту: когда Императоръ Александръ I въ январѣ 1805 г. пожаловалъ ротѣ, по непосредственному представленію Его Высочества, двѣ серебряныя трубы, то трубы были „отосланы въ ту роту“, а не въ баталіонъ, причемъ „Его Сіятельству“ (графу Аракчееву) было повелѣно „приказать отпустить слѣдуемую сумму денегъ на сдѣ-

ланіе къ нимъ (трубамъ) кутасовъ (кистей) по образцу Л.-Гв. Коннаго полка". Инспекторъ всей артиллеріи, признавая необходимымъ разрѣшить вопросъ относительно дальнѣйшаго существованія роты, которая лишь номинально числилась въ составѣ баталіона, пошелъ навстрѣчу желанію Цесаревича о совершенномъ отчисленія ея. Составленіе всеподданнѣйшаго доклада о „довольствованіи Конной роты Гвардейскаго Артиллерійскаго баталіона особо отъ онаго" было первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. По случайному совпаденію, этотъ докладъ былъ Высочайше утвержденъ 25 марта, въ день праздника Л.-Гв. Коннаго полка. Вслѣдъ за этимъ, въ баталіонѣ стали подготовлять сдаточныя вѣдомости.

Хотя графъ Аракчеевъ, представляя 26 апрѣля Его Высочеству сдаточныя вѣдомости и аттестаты, въ своемъ рапортѣ всего только упоминалъ, что „ожидаетъ повелѣнія о назначеніи принятія денежныхъ суммъ съ росписко̀ю въ баталіонныхъ книгахъ", но Цесаревичъ никакого повелѣнія не далъ, а прибылъ въ баталіонъ и Собственноручно росписался „въ пріемѣ по книгамъ".

27 апрѣля 1805 г., въ день Своего рожденія, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ предписалъ полковнику Костенецкому слѣдующее:

„По случаю принятія въ Мое вѣдѣніе командуемой вами Гвардейской Конной Артиллерійской роты, отдѣленной отъ Гвардейскаго Артиллерійскаго баталіона, на основаніи Его Императорскимъ Величествомъ конфирмованнаго въ 25 день прошедшаго марта инспектора всей артиллеріи графа Аракчеева доклада, пред-

писываю вамъ, господинъ полковникъ и кавалеръ, къ точному исполненію слѣдующее:

„Впредь оной ротѣ въ Гвардейской Артиллерійской баталіонъ ни о чемъ не относиться и не имѣть никакихъ разсчетовъ, а о всемъ относиться ко Мнѣ, поелику рота сія принята Мною на законномъ основаніи и съ сего числа совсѣмъ уже отчислена".

Такимъ образомъ, 27 апрѣля рота получила законное право на полное самостоятельное существованіе, причемъ „по особенному Его Императорскаго Величества соизволенію" рота была поручена въ вѣдѣніе Цесаревича и повелѣно „состоять ей при Л.-Гв. Конномъ полку". Съ этого дня для роты командная іерархія была такова: командиръ—полковникъ Костенецкій, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Государь Императоръ.

Принявъ Л.-Гв. Конную Артиллерійскую роту на законномъ основаніи, Цесаревичъ черезъ три дня завелъ новый порядокъ въ хозяйствѣ роты, сущность котораго заключалась въ томъ, что всѣ хозяйственныя заботы были возложены на полкового квартермистра, тит. сов. Колотова, а командиръ роты обязанъ былъ лишь „нужное принимать", почему имѣлъ полную возможность заниматься исключительно строемъ.

Получивъ возможность съ 30 апрѣля 1805 г. заниматься только строемъ, полковникъ Костенецкій въ своей строевой дѣятельности несомнѣнно сталъ руководствоваться замѣчательными „правилами службы", которыя, въ сущности, составляютъ сводъ различныхъ требованій Цесаревича, основанныхъ не на

теоретическихъ началахъ, а на выработанныхъ на практикѣ. Цесаревичъ простыми словами изложилъ и про нравственное воспитаніе части, и про дисциплину, и про строевое образованіе, и про ѣзду, и про внутренній порядокъ части, и про „достодолжную осанку и позитуру", причемъ Свои „правила" написалъ по-Суворовски, „излагая настоящее дѣло ясно и кратко и безъ титуловъ". Если припомнить требованія Его Высочества въ періодъ службы 1796 г. въ „Павловской командѣ", то нельзя не указать на то, что „правила службы" Цесаревича, служа развитіемъ первыхъ требованій, выражаютъ подлинные Его взгляды на военную службу, въ которой надлежитъ „господамъ офицерамъ всегда и во всемъ подавать примѣръ собою", а главное — чтобы офицеры и нижніе чины были бы „между собою связаны", стараясь „быть примѣромъ для всѣхъ прочихъ полковъ", т. е. стремиться всегда быть первыми".

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, принявъ на законномъ основаніи въ свое полное вѣдѣніе роту, своею широкою и заботливою дѣятельностію, въ теченіе многихъ лѣтъ, доказалъ, что Онъ неуклонно стремился создать изъ нея такую образцовую войсковую часть, которая должна быть превыше другихъ конныхъ артиллерійскихъ ротъ. Вотъ почему Его Высочество внимательно слѣдилъ за происходившими въ артиллеріи перемѣнами и постоянно вносилъ не мало нововведеній въ Свою роту. Дѣятельными и преданными сотрудниками Цесаревича всегда были офицеры роты, а въ особенности ея замѣчательный командиръ, полковникъ В. Г. Костенецкій, который внѣ службы не зналъ, да и не признавалъ никакихъ интересовъ.

Въ 1805 г. Цесаревичъ въ теченіе іюня вновь лично провѣрялъ артиллерійскую подготовку роты, предъявляя строгія требованія, что было крайне важно, такъ какъ впереди предстоялъ походъ. 5 іюля полковникъ Костенецкій получилъ даже „строжайшій выговоръ за то, что рота его не такъ жива, какъ должно“, что краснорѣчиво доказываетъ, что Цесаревичъ уже составилъ извѣстный идеалъ Конной Артиллерійской роты, къ которому и приближалъ Свою роту. Черезъ недѣлю рота удостоилась доказать своему Царственному командиру, что она дѣйствительно „жива“,—всѣ офицеры получили именныя благодарности въ приказѣ, наводчикамъ пожаловано по 5 руб., а прочимъ нижнимъ чинамъ по 1 рублю. 21 іюля Цесаревичъ лично представилъ роту на Высочайшемъ смотру и заслужилъ благодарность Императора Александра I за „совершенное устройство и порядокъ Гвардейской Конной Артиллерійской роты“, при этомъ всѣ чины были пожалованы особыми наградами, а именно: полковникъ Костенецкій—2.000 руб., шт.-кап. Козенъ—шпагою съ орденомъ Св. Анны, три офицера—подарками, а всѣ нижніе чины денежными наградами: бомбардиръ Ильинъ—50 руб., 15 фейерверкеровъ и 10 наводчиковъ по 5 руб., а прочіе чины роты по рублю. Особенное же значеніе имѣла Царская награда для подпоручиковъ: Сеславина I, Захарова и Ралля II, которые, будучи „забаллотированными къ повышенію“ въ началѣ 1805 г. на экзаменѣ, заведенномъ графомъ Аракчеевымъ спеціально для младшихъ офицеровъ, на практикѣ доказали свои артиллерійскія познанія, а потому были возстановлены въ своихъ правахъ и по ходатайству Цесаревича произведены въ поручики.

Завершивъ этимъ смотромъ мирную подготовку роты, Цесаревичъ вскорѣ приготовилъ ее на „походную ногу“, а 11 августа 1805 г. рота выступила съ Л.-Гв. Коннымъ полкомъ въ походъ, подъ непосредственной командой Его Высочества. За все время почти 1.600-верстнаго похода Цесаревичъ какъ бы преподалъ практику походныхъ движеній, а затѣмъ, 20 ноября, на поляхъ Аустерлица подъ Своею командою освятилъ мирный трудъ роты славнымъ боевымъ крещеніемъ.

Въ бою мирная „связанность“ роты сказалась въ полной мѣрѣ, причемъ чины ея, по выраженію Костенецкаго, „во всемъ исполнили свою должность“, отличая себя „храбростію, послушаніемъ, расторопностію и точнымъ исполненіемъ приказаній“. По мирному маневрировала рота съ кавалеріей, поддерживая ея атаки и не упуская случая для производства конно-артиллерійской атаки, напримѣръ, штабсъ-капитанъ Козенъ со своими орудіями подлеталъ къ непріятелю на такую дистанцію, что „ясно были видны лица непріятеля“. Будучи „всегда окруженны“, канониры безстрашно бьются ближнею картечью, а въ критическія минуты производятъ контръ-атаки, отбиваются палашами и банниками. Въ неравномъ бою рота, израсходовавъ до $^1/_2$ комплекта, въ томъ числѣ изъ 300 картечей—214, и понеся значительныя потери,—все же съ честью вышла изъ этого перваго боевого крещенія. Цесаревичъ призналъ, что и въ бою рота была „жива, какъ должно“.

По ходатайству Царственнаго командира всѣ офицеры роты были удостоены пожалованія боевыхъ наградъ: Костенецкій—орденомъ Св. Георгія 4-го класса, Козенъ—золотою шпагою съ надписью „за храбрость“,

а прочіе — орденами Св. Анны 3-го класса; нижніе чины, совершившіе массу Георгіевскихъ подвиговъ, были награждены $^1/_3$-нымъ жалованіемъ.

Закрѣпивъ связь съ Л.-Гв. Коннымъ полкомъ на полѣ сраженія, рота обратный походъ совершила подъ командой командира полка, г.-м. Янковича. Цесаревичъ съ прежнею энергичною дѣятельностію быстро привелъ роту въ комплектный составъ, доведя ее до образцоваго состоянія, и 22 іюля 1806 г. отлично представилъ роту на Высочайшемъ смотру. Въ томъ-же году Цесаревичъ осуществилъ слѣдующія важныя для роты мѣропріятія: 1) ввелъ, на основаніи боевого опыта, цѣлый рядъ практическихъ пріемовъ обученія, выработанныхъ совмѣстно съ Костенецкимъ; 2) изобрѣлъ картечную гранату; 3) довелъ роту до 12-орудійнаго состава. Кромѣ того, рота, выдѣлявшаяся высокой степенью обученія, въ 1806 г. послужила для созданія кадровъ при формированіи конной роты маіора Голубцова (нынѣ 1-я конно-артиллерійская батарея) и артиллеріи баталіона Императорской Милиціи, а также для укомплектованія другихъ ротъ лучшими чинами, произведенными въ фейерверкеры.

Въ 1807 г. Цесаревичу представился новый случай провѣрить правильность постановки обученія Л.-Гв. Конной Артиллерійской роты, которая, совершивъ въ Пруссію походъ подъ командой своего бригаднаго начальника, г.-м. Янковича [1]), приняла участіе въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Въ обоихъ сраженіяхъ рота показала себя съ наилучшей стороны, причемъ особыя артиллерійскія доблести проявила подъ

[1]) Бригада состояла изъ Л.-Гв. Коннаго полка и Л.-Гв. Конной Артиллерійской роты.

Фридландомъ, гдѣ „черезъ весь день дѣйствовала искусно, расторопно и ревностно“ и, находясь зачастую „подъ чрезмѣрнымъ непріятельскимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ“, неоднократно сбивала батареи, уничтожала пѣшія и конныя колонны, причемъ въ ожесточенномъ сраженіи израсходовала свыше одного комплекта (до 1.500 снарядовъ)... Такимъ образомъ, и въ эту войну рота неопровержимо доказала, что боевая „живость“ во всѣхъ отношеніяхъ является неотъемлемою ея принадлежностію.

Лучшимъ подтвержденіемъ взглядовъ Цесаревича на достоинства конной артиллеріи являются мнѣнія, которыя были усвоены ротою и высказаны поручиками: Александромъ Никитичемъ Сеславинымъ, представившимъ особый проектъ, и Дмитріемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, напечатавшимъ въ „военномъ журналѣ“ замѣчательную статью объ артиллеріи.

Сеславинъ, находя, что зарядные ящики стѣсняютъ подвижность конной артиллеріи и „тѣмъ лишаютъ средства наступать храбрѣе“, заявилъ о желательности ввести „кантины“ (вьюки со снарядами), при этомъ убѣдительно развилъ свою мысль о созданіи летучей артиллеріи. Между прочимъ, Сеславинъ, словно описывая дѣйствія роты, указывалъ на слѣдующее ея назначеніе:

„Конная артиллерія содѣлана, какъ и кавалерія, для учиненія внезапныхъ для непріятеля нападеній, для доставленія отдаленнымъ мѣстамъ скораго подкрѣпленія, для удара чрезъ быстрыя и поспѣшныя движенія и обороты въ непріятельскую армію во время сраженія, для прикрытія ретирады и переправы войскъ, для занятія выгоднаго мѣстоположенія въ отдаленности

поспѣшнымъ образомъ упредить непріятеля,—для воспрепятствованія переправы непріятельскихъ войскъ, начавшейся внезапно въ отдаленномъ мѣстѣ; съ кавалеріею для отрѣзанія непріятеля, для занятія скорѣйшимъ образомъ узкаго дефиле; наконецъ, для преслѣдованія и окончательнаго пораженія разбитаго, разстроеннаго и бѣгущаго непріятеля во всѣхъ случаяхъ, гдѣ должно усилить огонь, зажечь-ли отдаленную деревню, въ коей засѣлъ непріятель. Словомъ, гдѣ нужна поспѣшность, тамъ употребляется конная или летучая артиллерія".

Столыпинъ, минуя маневрированіе, высказалъ замѣчательныя мысли по поводу „употребленія артиллеріи въ полѣ", причемъ подробно остановился на вопросахъ: „1) главное размѣщеніе артиллеріи; 2) какая есть цѣль артиллеріи; 3) какъ батарея должна дѣйствовать; 4) какъ разставлять артиллерію и прикрывать ее". Заключительное-же слово высказалъ, отнеся всецѣло до роты, которая дѣйствительно исповѣдывала:

„Чтобы артиллерія хорошо дѣйствовала; офицеры всѣхъ чиновъ должны сохранить хладнокровіе въ самомъ жару дѣла; они должны поступать осторожно и съ обдуманностію, чтобы вокругъ ихъ ни происходило. Это есть истинная храбрость въ высочайшей ея степени"...

Таковы были ближайшія послѣдствія событія 27 апрѣля, когда рота, поступивъ въ полное вѣдѣніе Цесаревича, быстро сформировалась въ образцовую воинскую часть, одухотворенную высшими конно-артиллерійскими добродѣтелями. Если бы даже Цесаревичъ на этомъ и пресѣкъ свою дѣятельность, то и тогда

заслуги Его на пользу Гвардейской Конной Артиллеріи слѣдуетъ признать историческими. Къ счастію для нея, Царственный командиръ запечатлѣлъ свою дѣятельность еще прочнѣе въ послѣдующіе годы, при чемъ навсегда съ именемъ Своимъ соединилъ установленное Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ почетное званіе „основателя Гвардейской Конной Артиллеріи".

Почему же справедливо называть Цесаревича Константина Павловича ея основателемъ?

Прежде всего потому, что изъ образованной Имъ образцовой Л.-Гв. Конной Артиллерійской роты, Цесаревичъ создалъ ядро современной Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады. Увеличивъ, съ Высочайшаго соизволенія, постепенно составъ роты съ 12 орудій до 16-ти, Его Высочество въ маѣ 1810 г. приказалъ Костенецкому, въ то время уже генералъ-маіору, раздѣлить роту на двѣ батареи. Раздѣленіе роты на батареи было чисто строевое,—хозяйство осталось на прежнемъ основаніи. Въ общемъ, съ 26 мая 1810 г. Л.-Гв. Конная Артиллерійская рота, не измѣнивъ своего наименованія — фактически стала первымъ русскимъ конно-артиллерійскимъ дивизіономъ, имѣющимъ командиромъ генерала и состоящимъ изъ двухъ батарей. Несмотря на недавнее сформированіе, батареи всего черезъ два мѣсяца показали такія чудеса при маневрированіи, что Царственный командиръ вынужденъ былъ высказать дважды въ приказахъ: что „не находитъ довольно словъ изъявить Свою благодарность и признательность... зауди-вительное проворство конной артиллеріи, для которой ничего невозможнаго на всѣхъ дистанціяхъ нѣтъ"...

Далѣе, 22 февраля 1811 г., Цесаревичъ установилъ новое наименованіе роты, при чемъ одновременно Высочайше утверждены наименованія: 1) „Лейбъ-Гвардіи Конная Артиллерія“ и 2) „Конно-Гвардейская Артиллерія“. Первое изъ этихъ наименованій было наиболѣе употребительнымъ [1]).

Удачный выборъ замѣстителя г.-м. Костенецкаго, получившаго въ 1811 г. высшее назначеніе, является также немаловажною заслугою Цесаревича, который избралъ въ командиры полковника Петра Андреевича Козена, зная его по прежней службѣ въ ротѣ за выдающагося офицера. Козенъ дѣйствительно былъ всегда ревностнымъ помощникомъ Его Высочества по конно-артиллерійской части, которая въ Л.-Гв. Конной Артиллеріи продолжала непрерывно совершенствоваться. Достаточно, напримѣръ, указать на такой фактъ: военный министръ, ген. отъ инф. Барклай-де-Толли, побывавъ въ сентябрѣ 1811 г. на одномъ изъ ученій, не только „съ особымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на усовершенствованіе въ цѣльной стрѣльбѣ всѣхъ родовъ, на быстроту движеній, свойственную кавалеріи, и на навыкъ въ проворствѣ, не прерывая съ батареи огня, перемѣнять колеса и лафеты, предполагая, что они случайно повреждены“, но призналъ необходимымъ въ приказѣ объявить, что предписываетъ „обучать людей въ артиллеріи по симъ правиламъ и вообще стараться искусство ея дѣйствія довести до такого же совершенства“. Мало того, въ томъ же приказѣ военный ми-

[1]) Наименованіе Л.-Гв. Конная Артиллерія, какъ собирательное имя нѣсколькихъ батарей, просуществовало до 1834 г., когда было замѣнено наименованіемъ — Гвардейская Конная Артиллерія. Послѣднее наименованіе въ 1870 г., т. е. черезъ 36 лѣтъ, было замѣнено современнымъ — Гвардейская Конно-Артиллерійская бригада.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
485486

нистръ, съ разрѣшенія Цесаревича, объявилъ выработанныя Имъ правила во всеобщее свѣдѣніе, при чемъ рекомендовалъ усвоить давно извѣстную Л.-Гв. Конной артиллеріи истину: „Для навыка, чтобъ конная артиллерія не отставала отъ кавалерійскихъ движеній, надлежитъ часто обучать кавалерію съ конной артиллеріею вмѣстѣ, дабы они взаимно другъ другу не были дики".

Столь основательная мирная подготовка Л.-Гв. Конной Артиллеріи послужила прочнымъ основаніемъ для закрѣпленія боевой славы ея въ войны 1812—1814 г.г. Въ Отечественную войну батареи доблестно сражались подъ непосредственнымъ начальствомъ Козена, такъ какъ Царственный командиръ Л.-Гв. Конной Артиллеріи, по независящимъ отъ него причинамъ, не участвовалъ въ войнѣ въ періодъ полнаго развитія военныхъ дѣйствій. Послѣднее было, между прочимъ, и причиною, что боевое отличіе—серебряныя Георгіевскія трубы батареи заслужили геройскими подвигами, проявивъ „истинную храбрость въ высочайшей ея степени" въ Бородинскомъ сраженіи[1]), не подъ Его высокою

---

[1]) 1-я батарея, лихо подлетѣвъ къ непріятелю на ближнюю картечь, убійственнымъ огнемъ остановила наступленіе обходящей колонны, а затѣмъ, перемѣнивъ позицію, неустрашимо вступила въ ожесточенный бой съ 30-ю орудіями. 2-я батарея дѣйствовала по-дивизіонно, производя конно-артиллерійскія атаки противъ кавалеріи и пѣхоты столь отважно, что бывали случаи, когда „ни одна картечная пуля даромъ не пропадала" и когда отъ пѣхотной колонны, по мѣткому солдатскому выраженію, оставалось "ажъ черно, да мокро". Бой на картечныхъ дистанціяхъ и съ превосходнымъ числомъ орудій, увѣнчавъ батареи боевою славою, стоилъ имъ дорого: 1) оба командира батарей (капитаны Захаровъ и Ралль 2-й), смертельно раненые, жизнью своею заплатили за геройское „наступленіе храбрѣе"; 2) поручикъ баронъ Вольфъ и подпоручикъ Павловъ— убиты, а поручикъ баронъ Корфъ и подпоручикъ Дивовъ ранены; 3) 21 канониръ убитъ, а 5 фейерверкеровъ и 81 бомбардиръ и канониръ ранены; 4) 90 лошадей убито и 23—ранены; 5) передокъ и два зарядныхъ ящика были взорваны...

командою. За то отъ Вильно черезъ поля сраженій: Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Бріенъ-Ле-Шато, Арсисъ сюръ Объ, Фершампенуазъ къ Парижу батареи побѣдоносно шли подъ начальствомъ Цесаревича.

Затѣмъ, съ именемъ Цесаревича Константина Павловича связано формированіе современныхъ 3-й и 4-й батарей. При выступленіи Л.-Гв. Конной Артиллеріи въ 1812 г. въ походъ, Цесаревичъ приказалъ прибывающихъ для нея нижнихъ чиновъ содержать особо въ прикомандированіи къ резервной командѣ Л.-Гв. Коннаго полка. Къ 26 марта 1812 г. при послѣдней образовалась артиллерійская команда, которая, постепенно увеличиваясь въ своемъ составѣ, въ октябрѣ была отъ полка отчислена и преобразована въ Л.-Гв. Конной Артиллеріи резервную полуроту. Эта полурота и послужила кадромъ, изъ котораго 19 августа 1814 г. была сформирована батарейная батарея, переименованная впослѣдствіи въ 4-ю. Что-же касается до 3-й батареи, то она съ 16 іюля 1814 г. по 15 августа 1817 г. существовала въ видѣ полубатареи, образованной по приказанію Цесаревича изъ взводовъ 1-й и 2-й батареи. Полубатарея эта была образцовою артиллеріею, по которой равнялась Польская артиллерія, формировавшаяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Цесаревича. Въ 1817 г. полубатарея, носившая неофиціальное названіе „Варшавской“, была Цесаревичемъ переформирована въ батарею, получившую тогда же № 3.

Такимъ образомъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ 1815 г. называвшій Себя „кореннымъ начальникомъ Л.-Гв. Конной Артиллеріи“,

безусловно является дѣйствительнымъ основателемъ ея 4-хъ старѣйшихъ батарей. Мало того, Цесаревичъ, не имѣя узаконеннаго патента на службу въ артиллеріи, былъ на дѣлѣ выдающимся представителемъ ея, который обладалъ исключительною способностію вдохновить своихъ подчиненныхъ стремиться быть первыми въ мирѣ и на войнѣ. Проходя фактически службу со Своими Л.-Гв. Конною Артиллерійскою ротою и Л.-Гв. Конной Артиллеріей, Цесаревичъ незримо заложилъ прочную истинную конно-артиллерійскую спайку, вѣковѣчно связывающую батареи и славнымъ ихъ прошлымъ, и доблестными боевыми подвигами. На какую страницу исторіи Л.-Гв. Конной Артиллеріи съ 1802 г. до 1831 г. ни взгляни,—вездѣ имя Цесаревича занимаетъ почетное мѣсто.

27 апрѣля Цесаревичъ Константинъ Павловичъ родился, и 27-го же апрѣля возродилась и бывшая Л.-Гв. Конная Артиллерійская рота для новой жизни, къ которой повелительно призвалъ ее Цесаревичъ, прозорливо намѣтивъ тотъ идеалъ, къ которому надлежитъ стремиться конной артиллеріи.

Вотъ почему 27 апрѣля, знаменуя день самостоятельнаго бытія Л.-Гв. Конной Артиллеріи, отмѣчаетъ историческую дату того праздника, который торжествуетъ Гвардейская Конно-Артиллерійская бригада, вспоминая своего коренного начальника Цесаревича Константина Павловича.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).